Б13 5/171
1796

Б/13/14

100-ЛѢТІЕ

СО ДНЯ КОНЧИНЫ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

(† 6 ноября 1796 года).

Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ въ Кіевскомъ реальномъ училищѣ 27 окт. 1896 г.

И. П. МАТЧЕНКО.

КІЕВЪ.
Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская ул., домъ № 22.
1896.

100-ЛѢТІЕ

СО ДНЯ КОНЧИНЫ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

(† 6 ноября 1796 года).

Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ въ Кіевскомъ реальномъ училищѣ 27 окт. 1896 г.

И. П. МАТЧЕНКО.

КІЕВЪ.
Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская ул., домъ № 22.
1896.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 25 Октября 1896 года.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ г.

Гос. Историч. Музей. Б-ка
30510 3
191

100-лѣтіе со дня кончины Императрицы Екатерины Великой.

(† 6 ноября 1796 года).

Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ въ Кіевскомъ реальномъ училищѣ (27 окт. 1896 г.).

«Россія, се Екатерина,
Владычица твоя и мать!
Ея вселенной половина
Души не возмогла вмѣщать».
Державинъ.

На долю послѣдняго времени выпалъ цѣлый рядъ высокоторжественныхъ юбилейныхъ празднествъ. Такъ, въ 1862 г. Россія чествовала тысячелѣтіе своей гражданственности, а въ 1872 г.—200-лѣтіе рожденія Великаго Преобразователя, положившаго начало современной европейски-цивилизованной Россіи. 1880 годъ памятенъ 500-лѣтіемъ Куликовской битвы, 1882—300-лѣтіемъ завоеванія обширнаго Сибирскаго царства. На этотъ же годъ, по лѣтописи, падаетъ и 1000-лѣтіе съ того времени, какъ Кіевъ сталъ «матерью городовъ русскихъ». 1885 годъ слишкомъ памятенъ для всего славянскаго міра 1000-лѣтіемъ просвѣтительной дѣятельности равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, 15-е же іюля 1888 года было высокоторжественнымъ для Россіи праздникомъ 900-лѣ-

тія просвѣтительной дѣятельности св. кн. Владиміра. 25 іюня сего года (1896) исполнилось, наконецъ, 100 лѣтъ со дня рожденія Императора Николая Павловича.

Нѣтъ сомнѣнія, что торжественное чествованіе, а тѣмъ болѣе чествованіе общенародное какихъ-либо важныхъ въ исторіи событій или историческихъ дѣятелей, посвятившихъ себя благу отчизны, имѣетъ огромное нравственное значеніе для страны и ея народа. Юбилейныя торжества воскрешаютъ въ памяти народной живыя картины прошлаго и то высокое значеніе, какое принадлежитъ имъ въ исторіи отчизны. Съ какимъ величіемъ выступаютъ теперь предъ нами святой Владиміръ, Мининъ и Пожарскій, Великій Петръ и Александръ Благословенный, и какія чувства пробуждаются у насъ при живомъ представленіи такихъ тяжелыхъ испытаній народныхъ, какъ время самозванцевъ и 1812-й годъ,— испытаній, которыя предки наши вынесли однако съ честью, и которыя даже послужили залогомъ для дальнѣйшаго прочнаго развитія! Торжественное чествованіе подобныхъ дѣятелей и событій историческихъ въ сильной степени способствуетъ развитію народнаго самосознанія, возвышаетъ народный духъ, пробуждаетъ энергію, бодрость, увѣренность въ своихъ силахъ и высокія патріотическія чувства. Осматриваясь вокругъ себя, народъ, подъ вліяніемъ торжества, уразумѣваетъ и проникается глубоко всею важностію для себя чествуемаго событія или государственнаго дѣятеля. Съ одной стороны, чувства любви, преданности и благодарности, съ другой—благоговѣнія и удивленія къ подвигамъ предковъ невольно наполняютъ его душу. Охваченный этими чувствами, народъ ободряется и смѣло глядитъ въ будущее, а вожди и дѣятели народные укрѣпляются въ той мысли, что народная сила, руководимая и направляемая мощной рукой,—залогъ торжества надъ всѣми бѣдствіями и вражескими кознями. Юбилейныя празднества свидѣтельствуютъ, наконецъ, предъ современнымъ поколѣніемъ, что отечественныя заслуги и патріо-

тическіе подвиги не для настоящаго только, но и для будущаго имѣютъ важное значеніе, что благодарное потомство не забываетъ ихъ, что они остаются на вѣки славными монументами, предъ которыми оно отъ времени до времени благоговѣйно преклоняется, какъ предъ достойными подражанія образцами.

Юбилейные праздники, такимъ образомъ, получаютъ значеніе чисто историческихъ событій, являющихся въ жизни народа весьма важными моментами подъема народнаго духа, пробужденія патріотическихъ чувствъ и народнаго самосознанія.

Нашъ годичный актъ почти совпадаетъ съ новымъ высокознаменательнымъ юбилеемъ—100-лѣтіемъ со дня кончины Императрицы Екатерины II, которое исполнится 6 ноября. Удостоенный высокой чести говорить предъ собраніемъ просвѣщенныхъ слушателей, почтившихъ своимъ присутствіемъ наше скромное торжество, я не могъ подыскать другой болѣе подходящей случаю темы для настоящей бесѣды, какъ царственныя дѣянія Императрицы, которой исторія дала названіе «Великой» и которую

«На всѣ концы, отъ всѣхъ началъ,
Прозваньемъ матушки-царицы
Народъ любовно увѣнчалъ».

Бенедиктовъ.

Признаю себя счастливымъ, что почетный трудъ—говорить о дѣяніяхъ Императрицы, «которая своимъ величіемъ удивила вселенную» (Карамзинъ), выпалъ на мою долю; но вмѣстѣ съ тѣмъ не могу и не смутиться предъ трудностію задачи. Если Карамзинъ вынужденъ былъ воскликнуть: «Сограждане! дерзаю говорить о Екатеринѣ, и величіе предмета изумляетъ меня» и въ то же время сознаться, что «черты его должны казаться слабыми»....,—то намъ ли съ нашими

слабыми силами браться за это трудное дѣло! Сознавая невозможность изобразить въ актовой рѣчи во всей полнотѣ столь блистательное царствованіе, я позволю себѣ поэтому остановить Ваше просвѣщенное вниманіе лишь на личности Великой Императрицы и на томъ значеніи, какое въ исторіи сформированія Русскаго государства имѣютъ внутреннія и внѣшнія дѣянія Ея славнаго царствованія.

Уже протекло 1000-лѣтіе, какъ русская земля живетъ гражданскою жизнію и тѣмъ не менѣе она и теперь еще представляетъ государство молодое, далеко не достигшее полнаго величія и развитія своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ силъ. Вслѣдствіе неблагопріятныхъ географическихъ и историческихъ условій, созданныхъ положеніемъ русской территоріи на отдаленномъ востокѣ Европы и въ сосѣдствѣ съ Азіей, наши предки позже другихъ народовъ Европы основали государство, позже другихъ просвѣтились и свѣтомъ Христова ученія. Наступившая затѣмъ вѣковая борьба съ азіатскими кочевниками, нескончаемые распри удѣльнаго порядка, 200-лѣтній гнетъ татарскаго владычества, тяжелая борьба съ западными сосѣдями, бѣдственная эпоха «смутнаго времени», грозившая потерей политической и религіозной независимости—все это въ высшей степени задерживало и замедляло культурное развитіе нашего отечества сравнительно съ западной Европой. При такихъ обстоятельствахъ нуженъ былъ необычайный дѣятель, чтобы вывести Россію на путь быстраго развитія и поставить ее въ уровень съ западной Европой. Такимъ и явился для Россіи великій ея преобразователь—«величайшій изъ историческихъ дѣятелей, какого когда-либо видѣлъ міръ» (Петровъ). Геній Петра вознесъ Россію на степень могущественнаго европейскаго государства съ крѣпкими и широкими задатками для дальнѣйшаго процвѣтанія.

Но созданной Великимъ Петромъ имперіи суждено было однако пережить на пути историческаго своего развитія и еще одинъ довольно продолжительный и тяжелый періодъ. Это—періодъ слабыхъ преемниковъ Петра, при которыхъ господствующее значеніе въ государствѣ имѣли, такъ называемые, «временщики». Эти государственные дѣятели преслѣдовали не народные, а личные, своекорыстные интересы: власть и матеріальное обогащеніе—вотъ, что руководило ихъ образомъ дѣйствій. Поэтому періодъ «временщиковъ» и характеризуется постоянными внутренними смутами и междоусобіями, частыми политическими переворотами, кровавой борьбой и смѣной придворныхъ партій съ стоявшими во главѣ ихъ временщиками. Понятно, неурядицы эти должны были имѣть реакціонное значеніе по отношенію къ Петровской Руси. Они, дѣйствительно, разслабили ее физически и нравственно, внесли страшный безпорядокъ и произволъ въ администрацію и значительно замедлили дальнѣйшее развитіе въ томъ направленіи, какое сообщилъ ей великій преобразователь.

Въ царствованіе Екатерины I и Петра II во главѣ придворныхъ партій стояли временщики русскіе; съ воцареніемъ же Анны Іоанновны господствующее значеніе переходитъ къ партіи нѣмецкой, захватившей въ свои руки дѣло государственнаго правленія. Особенную силу и значеніе пріобрѣтаютъ иноземцы въ кратковременное царствованіе принца Брауншвейскаго, когда регентомъ государства былъ курляндецъ Бирономъ, свирѣпѣйшій временщикъ Анны Іоанновны. Если русскіе временщики преслѣдовали своекорыстные интересы, то что же сказать объ иноземцахъ! Время нѣмецкаго владычества въ Россіи и было поэтому моментомъ самаго крайняго разстройства государственныхъ дѣлъ; это время, получившее названіе «бироновщины», представляетъ и самую кровавую страницу въ нашей исторіи XVIII вѣка. Всякому понятно, что грозило и народности русской и вѣрѣ право-

славной отъ иноземныхъ правителей, которые не только не питали къ Россіи патріотическихъ чувствъ, но даже относились съ презрѣніемъ ко всему русскому, въ глазахъ которыхъ истинные патріоты, люди, стоявшіе на стражѣ народности и церкви, представлялись измѣнниками и государственными преступниками.

И вотъ, когда всеобщее недовольство нѣмецкимъ владычествомъ достигло, наконецъ, крайней степени, взоры русскаго народа обращаются въ сторону законной наслѣдницы престола—цесаревны Елизаветы, дочери Петра Великаго. Опираясь на всеобщее сочувствіе, Елизавета совершаетъ новый политическій переворотъ, устраняетъ господство иноземцевъ и окружаетъ престолъ представителями партіи русской. Народъ восторженно встрѣчаетъ восшествіе на престолъ Елизаветы, а поэтъ воспѣваетъ это событіе, какъ зарю свѣтлорадостныхъ дней для Россіи.

Какъ дочь Петра Великаго, Елизавета рѣшила упрочить престолъ за его домомъ и потому наслѣдникомъ своимъ объявила его внука, герцога голштинскаго Петра, царствовавшаго потомъ подъ именемъ Петра III. Особенной, далѣе, заботой Елизаветы Петровны было подыскать будущему императору невѣсту, которая, по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ, соотвѣтствовала бы интересамъ Россіи. Но легко понять, какъ въ данномъ случаѣ важенъ былъ вопросъ о выборѣ невѣсты и какъ трудно было остановиться на той или другой принцессѣ послѣ того, что пережила Россія въ періодъ нѣмецкаго владычества. Съ личностію невѣсты неизбѣжно связывалось представленіе о появленіи при дворѣ новыхъ дѣятелей, о новомъ вліяніи, о новыхъ перемѣнахъ. Вотъ почему не императрица только, а и ея приближенные и правительства иностранныя, привыкшія за послѣднее время вмѣшиваться въ дѣла Россіи, одинаково озабочены были вопросомъ о выборѣ невѣсты. Называли и сестру короля прусскаго, и дочь короля англійскаго, и принцессу француз-

скую, особенно же усиленно хлопотали за дочь короля польскаго. Но выборъ Елизаветы, руководствовавшейся интересами государственными, остановился однако на принцессѣ совершенно незначительнаго Ангальтъ-Цербстскаго княжества (расположеннаго по среднему теченію Эльбы). Это была Софія-Фредерика-Августа. Отецъ ея, принцъ Христіанъ-Августъ, до занятія цербстскаго престола находился въ прусской службѣ и былъ губернаторомъ города Штетина. Здѣсь-то 21 апр. 1829 года, при обстановкѣ сравнительно бѣдной, родилась и выросла принцесса, которая была выбрана въ невѣсты цесаревичу Петру Ѳеодоровичу. По приглашенію императрицы Елизаветы 14-лѣтняя Софія-Августа прибыла въ Россію (3 февр. 1744 г. въ Петербургъ, а 9 февр. въ Москву).

Радушно и съ любовію встрѣтила Елизавета невѣсту своего наслѣдника, обставила ее соотвѣтственно ея положенію, окружила ее своимъ собственнымъ попеченіемъ и немедленно же приступила къ ознакомленію принцессы съ русской рѣчью и къ наставленію ея въ правилахъ вѣры православной. Даровитая принцесса съ необыкновеннымъ рвеніемъ принялась за дѣло ученія и скоро усвоила необходимыя познанія. 28 іюня совершено было миропомазаніе Софіи-Августы, названной въ православіи Екатериной Алексѣевной; на другой день послѣдовало обрученіе ея съ наслѣдникомъ престола, а 21 августа 1745 г. отпразднована была и свадьба, прошедшая съ необыкновеннымъ торжествомъ (Петру было 16, Екатеринѣ 15 лѣтъ).

Итакъ, скромная принцесса ангальтъ-цербстская превратилась въ великую русскую княжну Екатерину Алексѣевну! Но кто бы могъ подумать и теперь, кому тѣмъ болѣе тогда могла прійти въ голову смѣлая мысль, что скромной принцессѣ, робко въѣзжавшей въ предѣлы Россіи, принцессѣ, которая, казалось, довольно уже была осчастливлена и бракомъ съ наслѣдникомъ русскаго престола, кому могла прійти мысль, что не Петру Ѳеодоровичу, а ей—этой принцессѣ было су-

ждено сдѣлаться самодержавной, великой и славной русской императрицей! «Кто бы вздумалъ искать въ тихомъ семействѣ ангальтъ-цербстскаго дома причины нашего блогоденствія и славы народа русскаго? Чудесный промыселъ Всевышняго, непостижимый для смертныхъ!»—восклицаетъ Карамзинъ.

Екатерина Алексѣевна сдѣлалась самодержавной императрицей путемъ также политическаго переворота. Ея супругъ, Петръ III, царствовалъ всего лишь 6 мѣсяцевъ (съ 25 дек. 1761—28 іюня 1762 г.). Какъ для него самого, такъ и его приближенныхъ переворотъ 28 іюня 1762 г. былъ событіемъ неожиданнымъ. Утромъ этого дня Екатерина Алексѣевна въ сопровожденіи Орловыхъ пріѣхала изъ Петергофа въ столицу. Здѣсь ее встрѣтили гвардейскіе полки и съ восторгомъ присягнули ей, а затѣмъ архіепископъ новгородскій Димитрій Сѣченовъ отслужилъ благодарственный молебенъ и провозгласилъ Екатерину самодержавной императрицей. Все населеніе Петербурга также съ готовностію и спокойствіемъ принесло присягу. Объявивъ затѣмъ манифестъ о своемъ вступленіи на престолъ, въ мундирѣ преображенскаго полка и въ шляпѣ, изъ-подъ которой развѣвались длинные красивые волосы, во главѣ гвардейскихъ полковъ Екатерина двинулась изъ Петербурга къ Ораніенбауму, гдѣ жилъ тогда Петръ III. Когда императору донесли о всемъ, что произошло въ Петербургѣ, онъ совершенно растерялся и, не имѣя возможности сопротивляться, подписалъ актъ добровольнаго отреченія отъ престола. Чрезъ нѣсколько дней бывшій императоръ скончался въ Ропшинскомъ дворцѣ (недалеко отъ Петергофа), гдѣ былъ заключенъ по распоряженію Екатерины.

Ликованіе по поводу восшествія на престолъ Екатерины было всеобщее; вѣсть о ея воцареніи всюду была встрѣчаема съ восторгомъ; переворотъ же, совершенный ею, былъ предметомъ всеобщаго удивленія и прославленія.

Въ западной Европѣ переворотъ произвелъ положительно

ошеломляющее впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ тѣмъ державамъ, которыя были заинтересованы политическимъ состояніемъ Россіи. Могущественнѣйшій изъ всѣхъ государей, Фридрихъ II Великій, съ которымъ Петръ III находился въ большой дружбѣ, сознавался, что вѣсть о государственномъ переворотѣ въ Россіи была для него громовымъ ударомъ. Ужасъ въ Берлинѣ по этому случаю былъ такъ великъ, что королевскую казну ночью отвезли въ Магдебургъ. Такой же переполохъ извѣстіе о перемѣнѣ въ Россіи произвело и въ Константинополѣ. Но въ то время, какъ однѣ державы опасались возможныхъ для себя послѣдствій отъ новаго царствованія, другія, какъ Франція, Австрія и Данія, напротивъ, радовались, ожидая перемѣны къ лучшему. Независимо отъ политической важности совершившагося событія, Европа дивилась также и чрезвычайной легкости, съ какимъ былъ проведенъ задуманный переворотъ. По словамъ того же Фридриха Великаго, «Петръ III позволилъ свергнуть себя съ престола, какъ ребенокъ, котораго отсылаютъ спать». Австрійскій же посланникъ доносилъ своему правительству, что «во всемірной исторіи не найдется примѣра, чтобы государь, лишаясь престола, выказалъ такъ мало мужества, какъ онъ, царь, который всегда старался говорить такъ высокомѣрно». Во время торжества коронаціи (12 сент. 1762 г.) Димитрій Сѣченовъ, восхваляя восшествіе Екатерины на престолъ, спрашиваетъ: «мечемъ ли, оружіемъ ли, кровопролитіемъ ли» совершила она свой подвигъ? и тутъ же отвѣчаетъ: «никако: и презря животъ свой, не бояся смерти, съ единымъ на Бога упованіемъ».

Такъ легко, почти безъ противодѣйствія и безъ пролитія капли крови Екатерина произвела большой государственный переворотъ: низложила своего супруга, и сама вступила на императорскій тронъ. Обсуждая значеніе этого событія, современники видѣли въ немъ большую заслугу Екатерины предъ Россіей и называли ее спасительницей вѣры и отече

ства. «Гряди, защитница отечества, гряди защитница благочестія, вниди во градъ твой и сяди на престолѣ предковъ твоихъ», привѣтствовалъ Императрицу новгородскій владыка (въ дни коронаціи). «За спасеніе вѣры и отечества»—вотъ надпись, которая украшаетъ медаль, выбитую въ память коронаціи.

Но не увлеченіе ли это однако современниковъ, не лесть ли это предъ новой царицей и не обычный ли въ такихъ случаяхъ ораторскій пріемъ! Нѣтъ. Императрица Екатерина II, дѣйствительно, явилась спасительницею вѣры и отечества; ея продолжительное царствованіе (1762—1796 г.), дѣйстйительно, было великимъ и мудрымъ, ея дѣянія и заслуги предъ нашимъ отечествомъ составляютъ одну изъ наиболѣе свѣтлыхъ страницъ въ его исторіи, одинъ изъ наиболѣе выдающихся и существенныхъ моментовъ въ ея развитіи.

Но удивительное дѣло, какъ могло случиться, что женщина свергнула съ престола императора, какъ могло случиться, что иностранная принцесса не только устранила роднаго внука Петра Великаго, но и успокоила государство, царствовала въ духѣ національно-русскомъ и явилась даже спасительницей Россіи? Подобныя явленія въ исторіи не совершаются случайно и не могутъ быть дѣломъ слѣпого счастія. Тогдашнія политическія обстоятельства Россіи, личность Петра III и личныя качества Екатерины обусловили собой то, что совершилось, и что не могло не совершиться.

Владычество иноземцевъ въ Россіи, какъ видѣли мы, было сильнымъ уклоненіемъ ея отъ прямого историческаго пути. Но тягостное нѣмецкое иго было свергнуто Елизаветой Петровной, и народъ русскій вздохнулъ свободно, видя на престолѣ дочь Петра, а у кормила правленія русскихъ людей. Елизаветѣ притомъ долженъ былъ наслѣдовать ея родной племянникъ, внукъ ея великаго отца. Для русскаго національнаго чувства это было большимъ утѣшеніемъ и дѣйствовало успокоительно относительно будущаго Россіи. На Петра

III, какъ на внука Петра Великаго, возлагаемы были большія надежды. Не то однако вышло на дѣлѣ. Императоръ Петръ (будучи въ то же время герцогомъ голштинскимъ) царствовалъ не въ русско-національномъ духѣ. Еще въ бытность великимъ княземъ онъ оказывалъ явное предпочтеніе и особенное расположеніе къ нѣмцамъ и ко всему нѣмецкому; сдѣлавшись же императоромъ, приблизилъ къ престолу иностранцевъ, проводилъ время въ ихъ обществѣ, окружилъ себя голштинской гвардіей и предоставилъ ей разныя преимущества въ ущербъ гвардіи русской; къ русской арміи относился вообще съ пренебреженіемъ и заводилъ въ ней прусскіе порядки: одѣлъ въ нѣмецкіе мундиры, училъ прусскому военному строю и подчинилъ прусской военной дисциплинѣ, наконецъ, главнымъ начальникомъ ея назначилъ принца голштинскаго Георга. Въ то время какъ въ семилѣтнюю войну русскіе не разъ поражали пруссаковъ, въ то время какъ послѣ Цорндорфской битвы самъ Великій Фридрихъ, пораженный стойкостію русскихъ, говорилъ: «ихъ легче перебить, чѣмъ побѣдить», а послѣ совершеннаго разгрома его арміи Салтыковымъ при Кунерсдорфѣ въ отчаяніи вопилъ: «неужели ни одно ядро не поразитъ меня»!— Петръ III, въ ослѣпленіи отъ всего нѣмецкаго, между тѣмъ говорилъ: «русскіе никогда не могутъ побить пруссаковъ» и, указывая на своихъ голштинцевъ, прибавилъ: «развѣ такіе люди могутъ быть побиты русскими»? Легко понять, какое раздраженіе, какой ропотъ возбуждало все это въ войскѣ. Особенно гвардія, которую Петръ называлъ янычарами, чувствовала себя недовольной и оскорбленной.

Вмѣстѣ съ этимъ, въ совершенный ущербъ русскимъ интересамъ, Петръ рѣзко измѣнилъ и внѣшнюю политику и преимущественно къ ближайшей и сильной сосѣдкѣ—Пруссіи. Горячій поклонникъ Фридриха II, опаснѣйшаго врага Россіи, который однако въ семилѣтнюю войну поставленъ былъ русскимъ оружіемъ въ такое затруднительное положеніе, что

готовъ былъ даже уступить Россіи Восточную Пруссію, лишь бы купить ея миръ,—Петръ III, тотчасъ по вступленіи на престолъ, прекратилъ съ нимъ войну, заключилъ тѣсный дружескій союзъ и, безъ всякаго вознагражденія Россіи, возвратилъ ему всѣ завоеванныя при Елизаветѣ области. Семилѣтняя война, въ которой такъ побѣдоносно участвовала Россія, безъ сомнѣнія, имѣетъ громадное историческое значеніе: она возвысила политическое могущество Россіи въ глазахъ Европы, она же послужила и военной школой, изъ которой вышли Румянцевъ и Суворовъ—герои славныхъ Екатерининскихъ войнъ. Но того ли могла ожидать Россія отъ побѣдоносной войны, на которую было издержано около 30 милліоновъ рублей, и во время которой погибло до 300000 русскихъ солдатъ!

По отношенію къ самому Фридриху Петръ III велъ себя, какъ его вассалъ, и говорилъ о немъ, какъ о своемъ сюзеренѣ; прусскій же министръ (Гольцъ) руководилъ дѣлами государственнаго правленія.

Мало того, прекративъ участіе въ успѣшной семилѣтней войнѣ, Петръ изъ-за Голштиніи затѣялъ совершенно ненужную для Россіи войну съ Даніей; возвративъ безвозмездно Фридриху завоеванныя прусскія земли, Петръ между тѣмъ искалъ Курляндіи для своего дяди Георга, принца голштинскаго.

Къ православному духовенству и церкви русской Петръ также относился съ неуваженіемъ и вызвалъ въ средѣ духовенства сильное противъ себя негодованіе. Слишкомъ смѣлыми распоряженіями, какъ, напримѣръ, приказаніемъ священникамъ брить бороды и еще болѣе попыткой удалить изъ храмовъ иконы (Болотовъ), страшно оскорблялъ онъ религіозное чувство и всего народа.

Все это были предпріятія, которыя показываютъ, что Петръ III интересы Россіи приносилъ въ жертву интересамъ чуждымъ и даже враждебнымъ.

Послѣ этого ясно, почему Петръ III, крайне въ то же время безпечный и слабохарактерный, не могъ привлечь къ себѣ расположеніе и симпатіи народа, почему онъ возбудилъ всеобщее негодованіе и враждебное къ себѣ отношеніе всѣхъ классовъ населенія, и почему его царствованіе, такимъ образомъ, не могло быть популярнымъ и прочнымъ. При такихъ личныхъ качествахъ императора, чего могла ожидать Россія отъ возродившагося въ нея нѣмецкаго ига, которое, по своему началу, грозило сдѣлаться еще болѣе опаснымъ и тяжкимъ, чѣмъ памятная бироновщина.

На этотъ разъ должна была повториться исторія восшествія на престолъ Елизаветы Петровны. Какъ тогда, въ виду нѣмецкаго ига, взоры русскаго народа устремились на дочь Петра Великаго, такъ теперь оскорбленное національное чувство нашло для себя исходъ и удовлетвореніе въ личности Екатерины Алексѣевны.

Прибывъ въ Россію съ совершеннымъ незнаніемъ русской исторіи, русскихъ нравовъ и обычаевъ, умная и дальновидная принцесса ангальтъ-цербстская, стоявшая неизмѣримо выше своего супруга по умственному и нравственному развитію, ясно поняла свое положеніе—то, чѣмъ должна стать для нея теперь Россія и какъ ей, въ свою очередь, держать себя по отношенію къ народу русскому. «Мнѣ былъ тогда пятнадцатый годъ», вспоминаетъ Екатерина время пріѣзда своего въ Россію, и уже тогда.... я увидѣла и поняла, что онъ (ея супругъ) мало цѣнилъ народъ, надъ которымъ ему суждено было царствовать....» На Россію она смотрѣла, какъ на свою новую родину, процвѣтанію которой исключительно она, отселѣ русская княжна, обязана была посвятить всѣ свои силы и всю свою дѣятельность. Уже въ 1746 году она формально отказалась отъ всякихъ правъ на Ангальтъ-Цербстское княжество, сосредоточивъ всѣ свои интересы въ Россіи, благоденствіе которой стало основнымъ принципомъ, руководившимъ всѣми ея дѣйствіями. Благодаря это-

му, Екатерина, съ первыхъ же дней пріѣзда въ Россію, поставила себя въ правильныя отношенія къ этой новой родинѣ своей и къ ея народу.

Не покровительствуя поэтому иностранцамъ, она старалась прежде всего изучить Россію, ознакомиться и сблизиться съ русскимъ народомъ, понять его характеръ, его нужды и потребности, проникнуться его духомъ, его историческими идеалами и стремленіями,—словомъ, она старалась, забывъ о своемъ происхожденіи и о дѣйствительной своей родинѣ, перевоспитать себя и, такъ сказать, переродиться, чтобы стать женщиной чисто русской. Съ неудержимымъ рвеніемъ принялась она за изученіе русскаго языка и исторіи русскаго народа, его нравовъ и обычаевъ и началъ вѣры православной. «Чтобы скорѣе успѣть въ русскомъ языкѣ, говоритъ сама Екатерина, я вставала ночью и, когда всѣ спали мертвымъ сномъ, заучивала тетрадки, оставленныя мнѣ Ададуровымъ» (ея учитель по рус. яз.). Относительно результатовъ этихъ занятій англійскій посланникъ (Уильямсъ) писалъ въ 1755 г.: «Екатерина очень прилежно училась русскому языку и теперь говоритъ на немъ въ совершенствѣ (какъ говорятъ мнѣ сами русскіе). Она обладаетъ большими познаніями о русскомъ государствѣ, которое составляетъ предметъ ея самаго ревностнаго изученія» и потому, прибавляетъ онъ, «пользуется здѣсь большою любовью и уваженіемъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ она строго придерживалась нравовъ и обычаевъ народа, ревностно соблюдала посты, твердо стояла въ истинахъ вѣры православной и своимъ благочестіемъ производила глубокое впечатлѣніе на русскихъ, представляя совершенную противоположность своему супругу, который и самъ небрежно относился къ религіознымъ обязанностямъ, и Екатерину порицалъ за ея благочестіе и слѣдованіе національнымъ обычаямъ.

Еще до перехода въ православіе, во время опасной болизни, Екатерина не пожелала принять лютеранскаго пасто-

ра, какъ того хотѣла ея мать, а пригласила православнаго священника. Разсказывая объ этомъ случаѣ, Екатерина прибавляетъ: «Его привели, и мой разговоръ съ нимъ въ присутствіи постороннихъ былъ всѣмъ очень пріятенъ. Это значительно расположило въ мою пользу какъ императрицу, такъ и весь дворъ». По словамъ французскаго посланника (Бретеля) никто столь ревностно не исполняетъ религіозныхъ обязанностей, какъ она, никто столь ревностно не соблюдаетъ постовъ и вообще обрядовъ, которые въ Россіи имѣютъ большое значеніе.

Вообще же, Екатерина всѣми способами старалась привязать къ себѣ народъ и пріобрѣсти его расположеніе и любовь. Ея ласковое обращеніе со всѣми одинаково располагало въ ея пользу всѣхъ, съ кѣмъ только ей приходилось сталкиваться. Сопоставляя себя съ непопулярною личностью своего супруга, умная и дальновидная Екатерина могла предвидѣть возможность политической перемѣны и въ перспективѣ —лестную для себя корону русскаго престола. Нельзя скрыть, что это, дѣйствительно, и было завѣтной мечтой великой княгини. Въ ней было неодолимое предчувствіе царствованія и твердая увѣренность въ томъ, что она самимъ Промысломъ призвана на тронъ Россійской имперіи. «Что касается меня», говоритъ она, «то къ русской коронѣ я неравнодушна... Въ глубинѣ души моей было что-то такое, ни на минуту не оставлявшее во мнѣ сомнѣнія, что рано или поздно я сдѣлаюсь самодержавною русскою императрицею... Меня воспитывали для семейственной жизни, но Провидѣніе открыло мнѣ науку царствовать...» Увѣренная въ такомъ призваніи, она заблаговременно старалась къ нему приготовиться и прямой дорогой, неуклонно шла къ престолу. Въ своихъ запискахъ она сама говоритъ объ этомъ такъ: «Я старалась снискать расположеніе всѣхъ вообще, большихъ и малыхъ. Никто не былъ забытъ мною, и я поставила себѣ правиломъ всячески пріобрѣтать общую любовь, въ чемъ я и успѣла... Не прошло и двухъ

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ .....
..... 19.. г.

лѣтъ, какъ самая жаркая хвала моему уму и сердцу посыпалась со всѣхъ сторонъ и разлилась по всей Россіи. Этимъ простымъ и невиннымъ образомъ составила я себѣ громкую славу и, когда зашла рѣчь о занятіи престола, очутилось на моей сторонѣ значительное большинство».

И дѣйствительно, Екатерина расположила къ себѣ всѣ классы населенія: на ея сторонѣ очутилось большинство приближенныхъ ко двору лицъ, на ея сторонѣ были Синодъ, Сенатъ и гвардія, она пользовалась любовью и народа, видѣвшаго въ ней покровительницу чисто русскихъ, національныхъ интересовъ. Ея духовникъ не разъ говорилъ ей, что на нее обращено вниманіе всего русскаго общества. При такихъ обстоятельствахъ люди опытные, какъ напримѣръ Бестужевъ, не считали возможнымъ, чтобы царствованіе Петра было продолжительно. И европейскіе дипломаты, не ожидая только, чтобы перемѣна произошла такъ скоро и легко, предвидѣли ея возможность въ пользу Екатерины. «Вы будете царствовать или я совсѣмъ глупецъ», сказалъ ей однажды прусскій резидентъ (Мардефельдъ). Французскій же посланникъ (Бретель) доносилъ своему правительству: «Всеобщее расположеніе къ императрицѣ усиливается.... Екатерина старается расположить къ себѣ народъ и употребляетъ всѣ средства для достиженія этой цѣли.... У нея есть друзья, которые, если она пожелаетъ, рѣшатся для нея на все... При случаѣ взрывъ неминуемъ».

Народныя симпатіи къ Екатеринѣ тѣмъ болѣе росли, что она не пользовалась расположеніемъ супруга, грубо ее оскорблявшаго. Еще въ бытность великимъ княземъ онъ грозилъ заключить ее въ монастырь, а сдѣлавшись императоромъ, велѣлъ однажды арестовать. Екатерина терпѣливо сносила грубое обращеніе супруга и народъ, по замѣчанію французскаго посланника, «раздѣлялъ ея горе и желалъ ей всего лучшаго». И по мѣрѣ того какъ Петръ глубже и глубже падалъ въ общественномъ мнѣніи, Екатерина возбуждала къ

себѣ тѣмъ большее сочувствіе и любовь. Народъ русскій и Екатерина, говоритъ Соловьевъ, одинаково терпѣли и между ними образовался поэтому крѣпкій, неразрывный союзъ. Въ этомъ единеніи и общности интересовъ, въ томъ довѣріи, какое установилось между Екатериной и народомъ, заключается неодолимая сила Императрицы и залогъ счастливаго для Россіи исхода борьбы между супругами. И послѣ того какъ на сторонѣ Петра осталось незначительное меньшинство, исходъ этой борьбы былъ несомнѣненъ. Нуженъ былъ лишь сигналъ къ окончательной развязкѣ, и таковымъ послужило повелѣніе гвардіи выступить въ нежелательный походъ противъ датчанъ.

Итакъ, Петръ III, хотя и внукъ Петра Великаго, былъ настоящимъ нѣмцемъ по воспитанію и наклонностямъ и былъ представителемъ партіи иноземной; Екатерина же, будучи по рожденію нѣмкой, перевоспитала себя и стала, напротивъ, во главѣ партіи національной. Понятно, почему народныя симпатіи и перешли на ея сторону. Значитъ, борьба между Петромъ и Екатериной была въ сущности борьбой между иноземной и народной партіями, и торжество Екатерины было въ сущности торжествомъ дѣла народнаго, торжествомъ интересовъ національно-русскихъ.

Желаніе Екатерины осуществилось: власть была ею достигнута. Но нужно было оправдать довѣріе народа, нужно было, какъ говоритъ Соловьевъ, сдѣлать свое царствованіе лучшимъ предыдущаго, нужно было осчастливить страну и показать, что Россія, дѣйствительно, спасена отъ грозившей опасности, отъ того внутренняго и внѣшняго разстройства, въ которое была повергнута въ предшествовавшее царствованіе. Вотъ почему Императрица и любила выслушивать похвалы, и сама любила говорить объ успѣхахъ своего царствованія. Ее поэтому и упрекали въ славолюбіи; но «любовь

къ славѣ, говоритъ Карамзинъ, источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ». И въ самомъ дѣлѣ, если она и стремилась къ власти, то это истекало изъ глубокаго сознанія своего превосходства, своей силы и способности къ царствованію; это находилось въ самой тѣсной связи съ истиннымъ человѣколюбіемъ и просвѣщеніемъ, съ необычайнымъ сознаніемъ долга, съ горячимъ желаніемъ принести счастіе Россіи. И Екатерина оправдала это самымъ дѣломъ. Ея славолюбіе составило громкую славу Россіи. «Она была рождена для самодержавія» и умѣла царствовать: въ исторіи мы не знаемъ другой женщины, столь способной къ управленію государственными дѣлами. По слову Карамзина «съ Екатериною возсѣли на престолъ кроткая мудрость, божественная любовь къ славѣ, неутомимая дѣятельность, знаніе человѣческаго сердца, ревностное желаніе довершить начатое Петромъ, просвѣтить народъ, образовать Россію, утвердить ея счастіе на столбахъ незыблемыхъ, согласить всѣ части правленія и купить безсмертіе дѣлами Матери Отечества».

«Предъ нами та,
Чьей громкой славой полонъ свѣтъ....»

Бенедиктовъ.

«Та, что духъ вливала славы,
Героевъ сотворить могла,
Жестокіе смягчала нравы
И ангелъ во плоти была!»

Державинъ.

Да, Екатерина II отличалась рѣдкими качествами и была достойна трона великой Россіи.

Обладая сильной, желѣзной волей, она всегда твердо, мужественно и неуклонно шла къ достиженію цѣли. «Какъ ско-

ро я давала въ чемъ либо обѣтъ, то я не помню, чтобы когда нибудь не исполняла его», говоритъ она сама. И по словамъ канцлера «ни у кого нѣтъ столько твердости и рѣшительности». «Она умна, да упряма, на что наладитъ, то и дѣлаетъ», свидѣтельствуетъ одинъ изъ ея недоброжелателей. А Фридрихъ прусскій, недовольный успѣхами русскаго оружія въ первую турецкую войну и нежеланіемъ Екатерины склониться на предлагаемое имъ посредничество для заключенія мира, въ раздраженіи говорилъ своему канцлеру: «Вы не знаете русской императрицы, она очень горда и потому ладить съ нею трудно; съ нею надо поступать осторожно, чтобы не раздражить ее».

Опасности и затрудненія не останавливали ее; она и сама не падала духомъ и въ другихъ умѣла поддерживать бодрость, смѣлость и энергію. Много, разумѣется, нужно было мужества и рѣшительности, чтобы выдержать борьбу съ противной партіей, руководимой императоромъ, и произвести переворотъ 28 іюня. Большимъ также нужно было отличать самообладаніемъ и твердостью воли, чтобы при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ удержаться и прочно утвердиться на престолѣ. Политическіе перевороты послѣ Петра Великаго, какъ мы знаемъ, были явленіемъ самымъ обыкновеннымъ. И престолъ Екатерины II находился въ постоянной опасности. При всѣхъ ея достоинствахъ и при всей популярности, какой она пользовалась въ средѣ русскаго общества, находились все-таки люди недовольные: нѣкоторые изъ придворныхъ ошиблись въ разсчетѣ играть первенствующую роль въ новое царствованіе; нѣкоторые гвардейскіе офицеры считали себя недостаточно вознагражденными за участіе въ переворотѣ. «Послѣдній солдатъ гвардіи считаетъ себя виновникомъ моего воцаренія», говоритъ сама Екатерина. Да и невозможно было исполнить всѣ желанія и удовлетворить честолюбивыя требованія всѣхъ сторонниковъ. Недовольство и броженіе вслѣдствіе этого усиливались, а это

могло повести къ новымъ попыткамъ: что недавно удалось въ пользу Екатерины, могло удаться и въ пользу другихъ. Въ претендентахъ же на престолъ недостатка не было. Одни (Панинъ) проектировали объявленіе императоромъ Павла Петровича подъ регентствомъ Екатерины, другіе (Мировичъ) не прочь были возвести на престолъ находившагося въ крѣпости Іоанна Антоновича. Колебали тронъ и самозванцы: объявилась мнимая дочь Елизаветы Петровны, смѣло и дерзко выступилъ съ именемъ Петра III и Емельянъ Пугачевъ. Однимъ словомъ, положеніе Екатерины было настолько затруднительно и ей грозила со всѣхъ сторонъ такая опасность, что удержаться на престолѣ оказалось еще болѣе труднымъ, чѣмъ овладѣть имъ. Но истинное величіе узнается не въ успѣхахъ, счастіи и довольствѣ, а въ опасности и трудныхъ обстоятельствахъ: Екатерина мужественно преодолѣвала всѣ препятствія и прочно сидѣла на престолѣ.

Эти же качества она обнаруживала и во всѣхъ другихъ случаяхъ своего продолжительнаго царствованія. «На начинающаго Богъ! Не первый разъ Россіи побѣждать враговъ... Я такъ разщекотала нашихъ моряковъ, что они стали огневые...», писала Екатерина по случаю первой турецкой войны. А когда Румянцевъ, указывая на многочисленность непріятеля и на слабость собственныхъ силъ, просилъ подкрѣпленія, Екатерина отвѣчала ему, что «римляне не хотѣли знать числа враговъ, а спрашивали только, гдѣ они». И воодушевленный Румянцевъ 17-ю тысячами разгромилъ непріятельскую армію въ 150000 человѣкъ. Затруднительно было положеніе Россіи, когда во время второй турецкой войны шведскій король (Густавъ III), желая возвратить завоеванный Петромъ Великимъ Прибалтійскій край, затѣялъ съ Россіей войну. Но мужественная Императрица на требованіе короля шведскаго отвѣчала: «еслибы король овладѣлъ Петербургомъ и Москвою, то я и тогда еще показала бы ему, что можетъ

сдѣлать во главѣ храбраго народа рѣшительная женщина». И событія показали, что это не было громкой фразой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Императрица обладала и тонкимъ дипломатическимъ тактомъ. Умѣло выходила она изъ затруднительныхъ обстоятельствъ и пользовалась выгодами своего положенія, съ необыкновеннымъ искусствомъ выполняла свои намѣренія и съ успѣхомъ отвлекала вниманіе постороннихъ, если того требовали интересы дѣла. Это обнаруживаетъ глубокій умъ, находчивость, тактичность и умѣнье обращаться съ людьми. Съ какимъ, напримѣръ, искусствомъ руководила она проведеніемъ переворота 28 іюня! Княжна Дашкова и многіе другіе считали себя организаторами этого дѣла, сторонники же Петра подозрительно относились къ разнымъ лицамъ; но несомнѣнно, иниціатива всего дѣла принадлежала самой Императрицѣ, стоявшей, повидимому, въ сторонѣ, все происхоило по ея велѣнію и всему давала направленіе она: Орловы и другіе были только ея орудіемъ. При этомъ во все время переворота Екатерина держала себя величаво, съ необычайнымъ хладнокровіемъ и присутствіемъ духа въ самые критическіе моменты. А съ какой тайной велось рискованное дѣло! Извѣстно, что 28 іюня утромъ, въ то самое время, какъ Екатерина провозглашалась самодержавною императрицею въ Казанскомъ соборѣ, Петръ въ Ораніенбаумѣ дѣлалъ обычный парадъ голштинскиммъ войскамъ, а затѣмъ, въ 10 часовъ, отправился со свитою въ Петергофъ, гдѣ жила Екатерина и гдѣ императоръ думалъ отпраздновать свои именины, приходившіяся 29-го іюня. И только теперь и здѣсь узналъ онъ роковую вѣсть. Императоръ захваченъ былъ врасплохъ, и ему ничего болѣе не оставалось, какъ добровольно отречься отъ престола. О политической тонкости Императрицы король польскій писалъ: «тамъ очень, очень умны...»

Во всѣхъ случаяхъ Екатерина держала себя осторожно, дѣйствовала осмотрительно, ничего не предпринимала по увлеченію и минутной вспышкѣ; напротивъ, въ ея поступкахъ

замѣтенъ холодный разсчетъ, глубокая сосредоточенность въ себѣ и спокойное соображеніе всѣхъ обстоятельствъ; во всякомъ дѣлѣ старалась она составить себѣ точное понятіе о томъ, какой образъ дѣйствій долженъ быть цѣлесообразнѣйшимъ и ему затѣмъ неуклонно слѣдовала. Съ самостоятельнымъ образомъ дѣйствій она соединяла политическую прозорливость и проницательность, съ особеннымъ чутьемъ она угадывала сущность дѣла, усматривала недостатки и тутъ же находила средства къ ихъ исправленію. Не перечесть тѣхъ случаевъ, когда Сенатъ, пересматривая по указаніямъ Императрицы дѣла, приходилъ къ иному, справедливому ихъ рѣшенію. Проницательность Екатерины обнаруживалась и въ выборѣ сотрудниковъ. Съ необыкновенною способностію отмѣчала она талантливыхъ людей и потому сумѣла окружить престолъ преданными себѣ и вѣрными исполнителями своихъ предначертаній. Это были тѣ «птенцы школы исполинской», которые на разнообразныхъ поприщахъ составили громкую славу имени Екатерины. Тутъ и Румянцевъ Задунайскій, и Суворовъ Рымникскій, Орловъ Чесменскій и Долгорукій Крымскій, Безбородко, Бецкій, Завадовскій и «великолѣпный князь Таврицы....»

Императрица Екатерина была затѣмъ просвѣщеннѣйшей женщиной своего времени. Ея образованіе и литературныя занятія отличались широтою и разнообразіемъ. Она стояла не только выше современнаго ей русскаго общества, но занимала почетное мѣсто и на ряду съ лучшими представителями западно-европейской цивилизаціи, и сама была достойной ея представительницей. Она изучала произведенія древнихъ классиковъ и глубоко прониклась философскими идеями просвѣтительной эпохи XVIII вѣка. Она благоговѣла предъ талантомъ и геніальностію и высоко цѣнила заслуги въ области умственнаго труда; вела переписку со многими просвѣщеннѣйшими людьми Запада, купила библіотеки Вольтера и Дидро, дѣлала щедрые подарки художникамъ и литераторамъ, «Духъ

законовъ» Монтескьё былъ ея настольной книгой; Даламбера приглашала она въ Россію для воспитанія Павла Петровича, а въ Вольтерѣ пріобрѣла самаго ревностнаго приверженца, давшаго ей названіе «Семирамиды» сѣвера. «Кто бы могъ вообразить 50 лѣтъ тому назадъ, писалъ онъ, что прійдетъ время, когда скиѳы будутъ такъ благородно вознаграждать добродѣтель, знаніе и философію...» Такъ Екатерина, въ глазахъ лучшихъ представителей современной цивилизаціи, пріобрѣла высокое званіе покровительницы европейскаго просвѣщенія и была избрана членомъ Берлинской Академіи наукъ, —Екатерина,

«Которой бойкое перо,
Плѣняло колкаго Дидро
И злого Демона Вольтера».

Бенедиктовъ.

Императрица Екатерина отличалась, далѣе, неутомимою дѣятельностію. Она работала по 15 часовъ въ день; весьма часто присутствовала въ Сенатѣ, вникала въ его занятія, просматривала доклады и, не стѣсняясь, дѣлала свои замѣчанія, требовала скораго рѣшенія дѣлъ и въ затруднительныхъ случаяхъ давала свои рѣшенія.

Екатерина одарена была и многими другими симпатичными чертами, дѣлавшими ее привлекательной и популярной. Она вставала въ 6 часовъ утра и, не безпокоя прислуги, зажигала свѣчи, сама одѣвалась, затапливала каминъ и принималась за свои обычныя занятія. Царственная общительность и обворожительно ласковое обращеніе со всѣми, снисходительность къ слабостямъ другихъ, способность устранять недоразумѣнія, необыкновенная щедрость, кротость и мягкость характера, рѣдкая гуманность и великодушіе, чувство состраданія и любовь къ дѣтямъ,—всѣ эти возвышенныя качества оказывали чарующее вліяніе; воспитанницы благороднаго инсти-

тута называли ее «нѣжною и снисходительною матерью». Извѣстно, что изъ титула «Великая, Мудрая и Матерь отечества», поднесеннаго Екатеринѣ коммиссіей депутатовъ, она приняла только послѣднее, говоря: «любить Богомъ мнѣ врученныхъ подданныхъ я почитаю за долгъ моего званія».... Необычайная живость и подвижность ея счастливой природы, игривость и веселость нрава, остроуміе и склонность къ разнымъ шуткамъ, играмъ и забавамъ были, рядомъ съ серьезностію и рѣдкими душевными качествами, также отличительными чертами въ характерѣ Екатерины. Иностранцы, посѣщавшіе русскій дворъ, восхищались прелестью общества, которое умѣло собирала около себя Императрица, и которое она оживляла остроумною бесѣдою, привѣтливымъ обращеніемъ, устройствомъ разныхъ праздниковъ, драматическихъ представленій и проч. Если многіе русскіе, представители лучшаго общества, стекались въ Парижъ, то, взамѣнъ этого, многія знаменитости, вродѣ Ривьера, Дидро, Гримма и друг., пріѣзжали изъ Франціи ко двору Екатерины.

Этимъ нравственнымъ качествамъ соотвѣтствовали и внѣшнія черты. Императрица Екатерина имѣла представительную, истинно царскую осанку, величественную поступь, выразительныя, красивыя черты лица. По словамъ австрійскаго принца (де-Линя), она всегда, и даже во время шуточныхъ забавъ, оставалась величавою и сохраняла все внѣшнее достоинство самодержицы всероссійской и «чуть ли не цѣлаго міра». Царственнымъ величіемъ она производила на всѣхъ неотразимое впечатлѣніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Екатерина окружала себя безподобной роскошью и внѣшнимъ блескомъ. Иностранцы удивлялись баснословной пышности русскаго двора. Она любила блестящіе пиры, великолѣпныя празднества и комфортъ, и сама любила описывать ихъ сказочный блескъ. Это—тѣ пиры, во время которыхъ

«Не въ чашахъ, не въ сосудахъ
Кипитъ и пѣнится янтарное вино,
Но бьетъ живымъ ключемъ, клокочущимъ каскадомъ,
И падаетъ въ бассейнъ на мраморное дно».

Бенедиктовъ.

Вотъ тѣ черты, которыя характеризируютъ личность Императрицы Екатерины Алексѣевны. Обладая избыткомъ физическихъ и нравственныхъ силъ, опираясь на всеобщее довѣріе и любовь къ себѣ народа, имѣя опытныхъ и талантливыхъ сотрудниковъ, Императрица Екатерина располагала всѣми средствами для продолжительнаго, прочнаго и славнаго царствованія. И оно было таковымъ.

Сравнительно съ предшествовавшими царствованіями послѣ Петра Великаго, правленіе Екатерины отличается прежде всего тѣмъ, что оно было совершенно самостоятельнымъ. Императрица была душею своего царствованія; она лично и непосредственно руководила дѣлами какъ внѣшней, такъ и внутренней политики; государственные же дѣятели ея времени были лишь исполнителями ея предначертаній. Въ связи съ этимъ и находится прекращеніе господства временщиковъ, борьбы партій, внутреннихъ переворотовъ и успокоеніе, такимъ образомъ, государства.

Царствованіе Екатерины въ то же время было царствованіемъ національнымъ. Она преслѣдовала интересы чисто русскіе, и при ней потому Россія быстро шла по пути внутренняго и внѣшняго развитія, которое послѣ Петра Великаго было задержано господствомъ временщиковъ и вліяніемъ иностранцевъ. Царствованіе Екатерины въ исторіи развитія Россіи является, слѣдовательно, непосредственнымъ продолженіемъ царствованія Великаго Преобразователя. «Возстань теперь, великій монархъ; возстань и воззри на любезное изобрѣтеніе твое», взывалъ, обращаясь къ гробницѣ Петра, митрополитъ Платонъ (по поводу чесменской побѣды). Разсказываютъ, что

Императрица носила при себѣ табакерку съ портретомъ Петра Великаго и говорила: «это для того, чтобы мнѣ спрашивать себя каждую минуту, какъ бы онъ поступилъ, будучи на моемъ мѣстѣ». Это свое отношеніе къ первому императору Екатерина выразила постановкой памятника съ краснорѣчивой надписью: «Петру I—Екатерина II». Послѣ Петра Великаго царствованіе Екатерины II и было лучшимъ въ продолженіе XVIII в. и въ то же время выдающимся моментомъ во всей исторической жизни народа русскаго. «Петръ Великій создалъ людей въ Россіи, а Ваше Величество влагаете въ нихъ душу», говорилъ ей Бецкій. «О слава Россіи! восклицаетъ Карамзинъ,—подъ небесами любезнаго отечества, на его тронѣ, сіяли Петръ и Екатерина! Они другъ другу на величественномъ театрѣ ихъ дѣйствій подаютъ руку.... Екатерина явилась на престолъ оживить, возвеличить твореніе Петра; въ ея рукѣ снова расцвѣлъ изсохшій жезлъ Безсмертнаго..... Чтобы утвердить славу грознаго Петра, должна чрезъ 40 лѣтъ послѣ него царствовать Екатерина; чтобы предуготовить славу кроткой, человѣколюбивой, просвѣщенной Екатерины, долженствовалъ царствовать Петръ»....

Что касается задачи царствованія, намѣреній и стремленій мудрой Императрицы, то она сама въ разныхъ случаяхъ такъ говоритъ объ этомъ: «Наше искреннее и нелицемѣрное желаніе есть прямымъ дѣломъ доказать, сколь мы хотимъ быть достойны любви нашего народа.... Желаю и хочу только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь. Слава ея дѣлаетъ меня славною.... Наше первое желаніе есть видѣть народъ Россійскій столь довольнымъ и счастливымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться.... И для того (я) начала читать, потомъ писать «Наказъ» коммиссіи уложенія. Два года и читала, и писала я...., слѣдуя единственно уму и сердцу своему, съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастія имперіи и чтобы довести до высшей степени благополучія всякаго

рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно». Въ одномъ же изъ писемъ къ Вольтеру Екатерина пишетъ: «Мой девизъ—«пчела», которая, летая съ растенія на растеніе, собираетъ медъ для своего улья, и надпись—«полезное». И «я должна отдать справедливость своему народу: это превосходная почва, на которой хорошее сѣмя быстро возрастаетъ».

Разностороння и неусыпна была дѣятельность Екатерины на пользу отечества, тѣмъ болѣе что всю жизнь ей приходилось еще бороться и съ разнаго рода препятствіями. Не даромъ поэтъ и говоритъ о ней:

«Но ахъ, и тронъ всегда ли пріятенъ
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?
Тутъ зритъ обманъ, тамъ зритъ упадокъ:
Какъ бѣдный часовой тотъ жалокъ,
Который вѣчно на часахъ!»

Державинъ.

Обобщая многостороннюю государственную дѣятельность Императрицы, Карамзинъ говоритъ: «Екатерина безсмертна своими побѣдами, мудрыми законами и благодѣтельными учрежденіями».

Еще будучи великой княгиней и затѣмъ въ первые годы царствованія Императрица Екатерина самообразованіемъ, «чтеніемъ и писаніемъ», какъ сама она говоритъ въ своемъ «Наказѣ», бесѣдой съ свѣдущими людьми о вопросахъ народнаго хозяйства, старательно подготовилась къ правительственной дѣятельности. Достаточно усвоила она русскій языкъ и ознакомилась съ народомъ русскимъ и его исторіей, достаточно также изучила философскую литературу XVIII в. и особенно тѣ ея произведенія, которыя имѣютъ отношеніе къ государственному строенію, каковы напримѣръ: «О преступленіяхъ и наказаніяхъ» Беккарія и «Духъ законовъ»

Монтескьё. Посылая Даламберу свой «Наказъ», Екатерина пишетъ: «Вы увидите, какъ для пользы своей имперіи я обобрала Монтескье; надѣюсь, что если съ того свѣта онъ видитъ мою работу, то проститъ этотъ литературный грабежъ для блага 20 милліоновъ людей».... Съ тою же цѣлью она предпринимала и путешествія по Россіи. Но чтобы въ своей дѣятельности вѣрнѣе слѣдовать «пользѣ, чести и счастію имперіи» и чтобы цѣлесообразнѣе вести ее «до высшей степени благополучія», Императрица Екатерина пожелала еще точнѣе, еще ближе ознакомиться съ нуждами и потребностями государства, пожелала услышать объ этомъ заявленія непосредственно изъ устъ самого народа. Съ этою цѣлью въ Москвѣ собрана была (1767 г.) «коммиссія депутатовъ» —народныхъ представителей земли русской. Коммиссіи этой поручено было составленіе проекта новаго уложенія и обсужденіе разнообразнѣйшихъ вопросовъ нравственной, общественной и государственной жизни Россіи. Проектъ уложенія составленъ не былъ, какъ равно и многіе другіе вопросы, по обстоятельствамъ политическимъ и по самому характеру коммиссіи, разрѣшены не были; но это и неважно: главная, существенная цѣль коммиссіи достигнута была вполнѣ; сама Екатерина говорила, что «коммиссія подала ей свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно». Вслѣдъ за этимъ, дѣйствительно, и начинается благодѣтельная реформаторская дѣятельность Екатерины.

Удовлетворяя своими реформами потребностямъ русскаго общества, Императрица Екатерина отвѣчала въ то же время и потребностямъ вѣка, котораго была достойной представительницей. Подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей, распространившихся изъ Франціи, во всѣхъ почти государствахъ западной Европы совершены были во второй половинѣ XVIII в. многія реформы, отличающіяся гуманнымъ характеромъ. Потому время это въ исторіи и называется «эпохой правительственныхъ реформъ». И Екатерина II, изучившая французскую философію и глу-

боко усвоившая ея идеи, шла въ этомъ случаѣ въ уровень съ западной Европой и стала въ рядъ съ великими реформаторами XVIII в. Ея знаменитый «Наказъ» проникнутъ такими свѣтлыми и гуманными взглядами, что вызвалъ всеобщій восторгъ въ Европѣ и былъ предметомъ удивленія даже въ отечествѣ просвѣтительной философіи — во Франціи. Фридрихъ Великій писалъ о немъ: «Я восхищенъ не только правилами человѣколюбія и кротости, о чемъ вѣщаютъ эти законы, но также порядкомъ, связностью мыслей и точностью въ выраженіяхъ, господствующими въ этомъ твореніи, и обширными свѣдѣніями, содержащимися въ немъ». «Всѣ тѣ, которые видѣли мою работу (Наказъ), единодушно говорятъ, что это верхъ совершенства», пишетъ сама Екатерина. Коммиссія же депутатовъ, выслушавъ «Наказъ», просила ее принять титулъ «Великой, Мудрой и Матери отечества».

Но въ то время какъ реформы, совершавшіяся въ западной Европѣ, большею честію не отличались прочностію, потому что, подъ давленіемъ отрицательныхъ идей энциклопедистовъ, производились насильственно и чрезвычайно быстро и невсегда поэтому соотвѣтствовали условіямъ народной жизни,—преобразованія Екатерины, отвѣчая нуждамъ и потребностямъ населенія, были вполнѣ цѣлесообразны и практичны. Они и существовали до царствованія Александра II, а многія изъ нихъ (губернское правленіе, казенная палата, казначейства) существуютъ и въ настоящее время. Дѣйствуя подъ вліяніемъ западно-европейскихъ идей, Екатерина не слѣдовала имъ рабски; она не переносила изъ западной Европы на русскую почву того, что не соотвѣтствовало условіямъ народной жизни,—въ этомъ ея преимущество предъ реформаторскою дѣятельностію Петра Великаго,—она непремѣнно сообразовалась съ состояніемъ государства и его потребностями. Такъ поступала она даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда сама лично горячо сочувствовала какой-либо идеѣ. Съ общечеловѣческой и религіозной точки зрѣнія Екатерина была, напри-

мѣръ, противъ крѣпостнаго права и мечтала объ его совершенномъ уничтоженіи, и однако нашла Россію настолько неподготовленной къ этому дѣлу,что не только отказалась отъ своего намѣренія, но, чтобы усмирить волновавшихся надеждой на свободу помѣщичьихъ крестьянъ, вынуждена была прибѣгнуть къ такой репрессивной мѣрѣ, которая закрѣпостила ихъ еще болѣе. То же самое и относительно формы правленія. Противъ конституціонныхъ стремленій Запада, Екатерина весьма рѣшительно и систематически отстаивала для Россіи начала абсолютизма и неоднократно утверждала, что для обширной Россіи неограниченная центральная власть должна быть единственно годною формою правленія.

Но общій однако духъ, внутренній характеръ всѣхъ преобразованій Екатерины — тотъ, который былъ навѣянъ гуманными идеями просвѣтительной философіи XVIII в. Проникнутая этими идеями, она проводила ихъ въ жизнь народа, одушевляла ими свои мѣропріятія, на ихъ основѣ устраивала народное благосостояніе и ими скрѣпляла взаимныя отношенія людей. Вотъ, напримѣръ, какими гуманными началами руководствовалась Императрица Екатерина и осуществленіе какихъ гуманныхъ воззрѣній въ жизни народа русскаго она желала видѣть: «Власть безъ довѣрія народа ничего не значитъ.... Хотите ли уваженія общества?—пріобрѣтите довѣренность, основывая образъ вашихъ дѣйствій на правдѣ и общественномъ благѣ.... Лучшіе законы для государства тѣ, которые соотвѣтствуютъ его естественному положенію и сообразны съ нравами народа.... Законъ христіанскій научаетъ насъ взаимно дѣлать другъ другу добро, сколько возможно.... Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подчинены были одинаковымъ законамъ... Свобода—душа всего на свѣтѣ, безъ тебя все мертво. Хочу повиновенія законамъ; не хочу рабовъ.... Вольность не въ томъ состоитъ, чтобы дѣлать все, что кому угодно.... Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ.... Государственная вольность въ граж-

данинѣ есть спокойствіе духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ наслаждается собственною безопасностію.... Любовь къ отечеству, стыдъ и страхъ поношенія суть средства, могущія воздержать множество преступленій.... Наказанія, которыя уродуютъ человѣческое тѣло, должно отмѣнить. Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію: пытка есть надежное средство осудить невиннаго и оправдать беззаконнаго.... Предупреждать преступленія есть намѣреніе и конецъ хорошаго законоположничества, которое не что иное есть, какъ искусство приводить людей къ самому совершенному благу.... Хотите ли предупреждать преступленія? сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми. Самое надежное средство сдѣлать людей лучшими есть усовершенствованіе воспитанія.... Надо посредствомъ воспитанія произвести, такъ сказать, новую породу, или новыхъ отцовъ и матерей.... Дѣтямъ необходимо внушать страхъ Божій, какъ начало всякаго цѣломудрія, любовь къ отечеству и уваженіе къ законамъ, трудолюбіе, приличіе, состраданіе къ бѣднымъ» и проч.

Эти и многія другія возвышенныя начала характеризуютъ Императрицу Екатерину передовой женщиной своего вѣка и въ то же время захватываютъ такъ широко, что всестороннее осуществленіе ихъ въ жизни народа является дѣломъ труднымъ и даже непосильнымъ для одного царствованія. Они, разумѣется, представляютъ собой лишь желанія, благородныя стремленія просвѣщенной и гуманной Императрицы, идеалъ, полное осуществленіе котораго завѣщано ею грядущему поколѣнію.

Но и сама Императрица привела однако въ исполненіе очень многое изъ своихъ желаній. Такъ, она дала дальнѣйшее развитіе сословнымъ реформамъ Петра Великаго въ смыслѣ расширенія сословнаго самоуправленія (Жалованная грамота дворянству и Городовое положеніе 1785 г.) и установленія болѣе правильныхъ отношеній между классами населе-

нія.—Около милліона монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ получили свободу.—Просвѣщеніе въ ея царствованіе сдѣлало большіе успѣхи. Екатерина положила начало народному образованію женщинъ, открыла Россійскую академію и приступила было къ основанію въ Екатеринославѣ Университета. Въ литературѣ, благодаря покровительству и личному участію въ ней Императрицы, проявилось небывалое движеніе. Екатерина высоко цѣнила перваго русскаго поэта и ученаго Ломоносова, благосклонно относилась къ пѣвцу «Фелицы» (Державину) и другимъ писателямъ своего вѣка (Сумароковъ, Фонъ-Визинъ и Новиковъ), изъ школы котораго вышелъ и знаменитый Карамзинъ.—Въ связи съ умственнымъ просвѣщеніемъ русское общество быстро развивается и въ нравственномъ отношеніи. Литература принимаетъ обличительный характеръ; съ одной стороны, провозглашая новыя начала, имѣвшія въ виду внутреннее совершенствованіе человѣка посредствомъ просвѣщеннаго воспитанія,—она, съ другой, порицала пороки и предразсудки, унаслѣдованныя отъ до-Петровской Руси, и однѣ внѣшнія формы образованія подъ вліяніемъ западной цивилизаціи, но безъ усовершенствованія въ нравственномъ отношеніи. Мѣриломъ нравственнаго усовершенствованія русскаго общества могутъ служить изысканныя и утонченныя игры и забавы при дворѣ Екатерины, сравнительно съ грубыми шутками и потѣхами Петра Великаго и Анны Іоанновны. Державинъ новорожденнаго Александра Павловича привѣтствуетъ желаніемъ: «Будь на тронѣ человѣкомъ»!—Гуманная Императрица много сдѣлала также относительно улучшенія народнаго здоровья (привитіе оспы) и матеріальнаго благосостоянія населенія и особенно бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ и инвалидовъ («приказъ общественнаго призрѣнія», «сиротскій судъ»).

Въ административномъ отношеніи Екатерина, въ интересахъ государства, провела дальше развитіе идеи неограниченнаго монархическаго правленія упроченіемъ централизаціи,

т. е. сосредоточенія всѣхъ отраслей государственнаго управленія въ однѣхъ рукахъ (уничтоженіе Запорожья и гетманства въ Малороссіи). Болѣе же точнымъ раздѣленіемъ Россіи на губерніи и введеніемъ стройной системы правительственныхъ и судебныхъ учрежденій установила однообразный и прочный порядокъ областного управленія во всей имперіи.

Устройство дорогъ, развитіе сельско-хозяйственной дѣятельности, торговли и промышленности, колонизація и устройство новоприобрѣтенныхъ и пустынныхъ мѣстностей, организація на новыхъ началахъ государственныхъ финансовъ, возрожденіе флота и развитіе военнаго искусства—все это было также предметомъ особенныхъ заботъ Екатерины, направленныхъ къ возвышенію государства и улучшенію благосостоянія населенія.

Успѣхамъ въ развитіи внутренней жизни соотвѣтствуетъ и внѣшнее, политическое процвѣтаніе Россіи въ царствованіе Екатерины II.

Екатерина всегда интересовалась вопросами внѣшней политики и ей поэтому, при вступленіи на престолъ, хорошо было знакомо политическое состояніе Россіи. Участіе въ семилѣтней войнѣ, дорого стоившей, и частые послѣ Петра Великаго государственные перевороты ослабили Россію; усилившееся же вліяніе иностранныхъ правительствъ и особенно вассальная роль, какую игралъ Петръ III по отношенію къ Фридриху II, унизили ея положеніе въ глазахъ западной Европы. Отсюда и вытекаетъ политика Екатерины II въ отношеніи европейскихъ государствъ. Съ одной стороны, Россія нуждалась въ покоѣ, и мудрая Императрица писала: «Миръ необходимъ этой обширной имперіи: мы нуждаемся въ населеніи, а не въ опустошеніяхъ..... Миръ намъ доставитъ болѣе уваженія, чѣмъ случайности войны, всегда разорительной». Но, съ другой стороны, исправляя ошибки предшествующихъ царствованій, Императрица желала предоставить

Россіи самостоятельный образъ дѣйствій въ области внѣшней политики и тѣмъ возвыситъ ея значеніе и вѣсъ въ Европѣ. И въ этомъ она имѣла громадный успѣхъ. Со вступленіемъ Екатерины на престолъ европейскія державы измѣнили свое отношеніе къ Россіи: онѣ вынуждены были теперь принимать въ соображеніе виды русскаго правительства, интересовались ея политикой, старались предугадать, что рѣшитъ и какъ поступитъ Россія въ томъ или иномъ случаѣ. Австрія и Пруссія соперничали между собой въ заискиваніи дружбы, Англія же и Франція, болѣе чѣмъ когда либо, чувствовали силу и вліяніе Петербургскаго кабинета. Панинъ, характеризуя политику Екатерины, говоритъ: «До царствованія Великой Екатерины Россія, при всѣхъ своихъ успѣхахъ въ Прусской войнѣ, играла только второстепенную роль.... Теперь же свѣтъ увидѣлъ вдругъ съ удивленіемъ, что здѣшній дворъ началъ играть въ общихъ дѣлахъ роль, равную роли главныхъ державъ, а на сѣверѣ—первенствующую».

Прежде всего Европа интересовалась тѣмъ, какія будутъ при новомъ царствованіи отношенія между Россіей и Пруссіей, какое положеніе пріметъ Екатерина въ продолжавшейся еще семилѣтней войнѣ. Фридрихъ II былъ бы поставленъ въ большое затрудненіе, если бы, какъ многіе того ожидали, Екатерина перешла на сторону Австріи. Но Императрица не возобновила войны съ Пруссіей, отозвала свои войска и даже хлопотала о примиреніи воевавшихъ сторонъ.

Первымъ блестящимъ дипломатическимъ шагомъ Екатерины было смѣлое и рѣшительное вмѣшательство въ курляндскія и польскія дѣла. Въ самомъ же началѣ своего царствованія она возстановила на курляндскомъ престолѣ извѣстнаго Эрнеста Бирона и тѣмъ поставила Курляндію какъ бы въ ленную къ себѣ зависимость. Когда она затѣмъ прибыла (1764 г.) въ Митаву, Бирономъ принялъ ее чрезвычайно торжественно, какъ вассалъ, привѣтствующій свою благодѣтельницу. Сынъ Эрнеста Петръ былъ послѣднимъ герцогомъ

Курляндіи. Вслѣдъ за третьимъ раздѣломъ Польши (1795 г.) онъ сложилъ съ себя герцогское достоинство, и Курляндія, такимъ образомъ, безъ войны, путемъ чисто дипломатическимъ, была присоединена къ Россіи.

Такую же дипломатическую побѣду одержала Россія и по вопросу о престолонаслѣдіи въ Польшѣ. По смерти короля Августа III много было претендентовъ на польскую корону: и курфирстъ саксонскій, и князь Любомирскій, и графъ Браницкій, и князь Чарторыйскій добивались ея; но, по желанію русской Императрицы, безъ малѣйшаго противодѣйствія на избирательномъ сеймѣ (26 августа 1764 г.) и при полномъ спокойствіи, былъ избранъ литовскій стольникъ графъ Понятовскій. Польша приведена была этимъ въ большое удивленіе; всѣ говорили, что такого спокойнаго избранія никогда не бывало. Дивилась такому исходу и вся Европа. «О, мой обожаемый король! съ какимъ восторгомъ я буду видѣть васъ предметомъ удивленія для цѣлой Европы», писала Понятовскому знаменитая Жоффрэнъ. Фридрихъ II одобрилъ выборъ Екатерины, и она послала ему въ подарокъ астраханскихъ арбузовъ; это дало королю случай отписать Императрицѣ: «Огромное разстояніе между астраханскими арбузами и польскимъ избирательнымъ сеймомъ; но вы умѣете соединить все въ сферѣ вашей дѣятельности: та же рука, которая разсылаетъ арбузы, раздаетъ короны и сохраняетъ миръ въ Европѣ»!

Въ избраніи на польскій престолъ Понятовскаго—начало окончательнаго паденія Рѣчи Посполитой: съ того времени русскія войска уже болѣе не оставляли ея предѣловъ, и вліяніе Россіи на дѣла Польши возросло, наконецъ, до того, что Екатерина добилась отъ польскаго сейма дарованія правъ диссидентамъ и приняла Польшу подъ свое покровительство. Требованія Екатерины относительно диссидентовъ были настолько рѣшительны, что король писалъ: «Приказанія, данныя Репнину, громовые удары для страны и меня лично».

И самъ Репнинъ ужаснулся предъ трудностію задачи: «Повелѣнія, данныя по диссидентскому дѣлу, ужасны; волосы у меня дыбомъ становятся, когда думаю объ этомъ», писалъ онъ Панину.

Екатерина нашла случай съ дипломатическимъ успѣхомъ вмѣшаться и въ дѣла Германскаго союза. Между Австріей и Пруссіей готовилась война изъ-за баварскаго наслѣдства (въ 1778 г.). Этимъ обстоятельствомъ она и сумѣла чрезвычайно искусно воспользоваться. Она явилась посредницей, третейскимъ судьей между враждовавшими сторонами, и война была устранена. Въ восхищеніи Фридрихъ II по этому поводу писалъ Екатеринѣ: «Блеску вашего царствованія предоставлено было поддерживать въ одно и то же время на берегахъ Чернаго моря независимость татарскихъ ауловъ и въ Вѣнѣ права Германскаго союза. Онъ будетъ обязанъ всѣмъ помощи вашего императорского величества».

Плодомъ искусной дипломатіи было также пріобрѣтеніе безъ войны (1783 г.) древней Тавриды и добровольный переходъ подъ покровительство Россіи закавказскихъ царствъ — грузинскаго, имеретинскаго и друг.

О значеніи и силѣ политическаго вліянія Россіи на Европу свидѣтельствуетъ, наконецъ, знаменитая декларація о вооруженномъ нейтралитетѣ (1782 г.), изданная по обстоятельствамъ сѣв.-американской войны. За исключеніемъ гордой Англіи, желавшей безъ соперниковъ владычествовать на моряхъ, всѣ европейскіе кабинеты признали справедливость началъ, изложенныхъ въ декларации, и вошли въ союзъ съ Екатериной.

Вотъ какой авторитетъ пріобрѣла Россія въ глазахъ Европы и какіе блестящіе дипломатическіе успѣхи она имѣла въ царствованіе Екатерины II.

Такое политическое положеніе и сознаніе своей силы дали Екатеринѣ возможность привести къ концу и внѣшнее строеніе Русской земли.

Восточная половина Европы, на которой поселились русскіе славяне, представляетъ обширную низменную равнину, естественными границами которой служатъ Уральскія, Кавказскія и Карпатскія горы, Бѣлое, Черное, Балтійское и Каспійское моря. На этой обширной территоріи должно было, вслѣдствіе этого, образоваться одно лишь государство, предѣлы котораго обозначены самой природой. Но требовалось и много времени, и много усилій, чтобы колонизовать этотъ край, чтобы придвинуться къ его естественнымъ границамъ и сформировать, такимъ образомъ, государство, въ составъ котораго должны были войти многія и разнообразныя народности. Политическая централизація при такихъ обстоятельствахъ могла идти весьма медленно и съ бо́льшими гораздо затрудненіями, чѣмъ на территоріи небольшой. Борьба и борьба тяжелая, вѣковая — вотъ неизбѣжный удѣлъ народа, который былъ призванъ осуществить здѣсь задачи исторіи. Въ восточной половинѣ Европы на долю именно нашихъ предковъ выпалъ этотъ жребій: имъ суждено было образовать на этой обширной равнинѣ одно могущественное государство. И вотъ, въ исторіи сформированія Русскаго государства мы наблюдаемъ поэтому безпримѣрное, нигдѣ въ такой силѣ не повторяющееся явленіе — послѣдовательнаго перенесенія политическихъ центровъ изъ одного города въ другой, массового передвиженія народа изъ одной мѣстности въ другую, вызвавшаго необходимость прикрѣпленія къ землѣ,—наконецъ, характерной въ высшей степени политики собиранія земли русской.

Императрица Екатерина II была послѣдней, собственно говоря, собирательницей русской земли; она почти завершала дѣло, начало которому положилъ первый ея собиратель — Іоаннъ Даниловичъ Калика.

Это было еще въ началѣ XIV ст. Ко времени Екатерины Россія въ поступательномъ движеніи своемъ успѣла приблизиться къ морямъ Бѣлому, Каспійскому и Балтійскому,

на востокѣ же далеко передвинулась и за Уральскій хребетъ. Но моря Черное и Азовское были еще, однако, далеко отъ южныхъ окраинъ Россіи и, кромѣ того, огромный западно-русскій край оставался подъ владычествомъ Польши. Придвинуть Россію на югѣ къ ея естественной черноморско-азовской границѣ и горамъ Кавказскимъ, возсоединить съ ней западно-русскій край и здѣсь на западѣ обезопасить ее совершенно отъ вѣкового врага—Польши и вмѣстѣ съ тѣмъ перенести границу къ подошвѣ Карпатъ—вотъ политическая задача, которая завѣщана исторіей, и которую блистательно выполнила Великая Императрица.

Еще съ до-историческихъ временъ славянно-руссы тяготѣли на югъ, къ морю Черному, которое и называлось въ старину моремъ «Русскимъ». Древніе князья съ неудержимымъ влеченіемъ совершали сюда походы; съ береговъ Понта св. Владиміръ принесъ христіанскую вѣру, а Святославъ утверждалъ даже, что здѣсь, на югѣ, средина его земли. Окрѣпши и свергнувъ татарское иго, Москва еще рѣшительнѣе и уже съ строго выработанной программой продолжила наступательное движеніе къ берегамъ завѣтнаго моря. При Іоаннѣ Грозномъ настолько успѣшный предпринятъ былъ походъ на Крымъ, что многіе совѣтовали царю и совершенно покончить съ ненавистнымъ ханствомъ. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича донскими козаками завоевана была крѣпость Азовъ (1642 г.), царевна Софія предпринимала два крымскихъ, Петръ Великій два азовскихъ похода и походъ прутскій. Успѣшная война съ Турціей при Аннѣ Іоанновнѣ окончилась пріобрѣтеніемъ значительной области, передвинувшей южнѣе, ближе къ берегамъ Чернаго моря, нашу границу.

Такъ Россія, въ продолженіе всей своей исторіи, неудержимо стремилась къ естественной южной границѣ—моремъ Черному и Азовскому. Географическія условія и ходъ историческихъ событій дѣлали неизбѣжнымъ утвержденіе русска-

го владычества на этихъ моряхъ. Вопросъ былъ лишь во времени. Турція была еще слишкомъ сильна и слишкомъ ревниво оберегала здѣсь свои интересы. «Плаваніе чужихъ кораблей по водамъ черноморскимъ, говорили турецкіе министры посланнику (Украинцеву) Петра Великаго, можетъ случиться развѣ тогда, когда Турецкая Имперія перевернется вверхъ ногами». Но время однако показало, что исторія свое дѣло сдѣлала: что было невозможно въ началѣ, то оказалось осуществимымъ въ концѣ XVIII ст.

При Императрицѣ Екатеринѣ II Россія вела двѣ войны съ Турціей, которыя, такимъ образомъ, представляютъ собой продолженіе предшествовавшей вѣковой борьбы. На этотъ разъ блестящія побѣды русскаго оружія увѣнчались полнымъ успѣхомъ: Россія утвердилась на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, придвинувшись на юго-востокѣ къ горамъ Кавказскимъ и на юго-западѣ къ устьямъ Днѣстра. Этотъ новоприобрѣтенный край получилъ названіе Новороссіи и ввѣренъ управленію князя Таврическаго.

Итакъ, Екатериной Великой осуществлена была историческая задача на югѣ Россіи: она прочно стала на завѣтныхъ берегахъ Понта и тамъ

«Ужъ не могутъ орды Крыма
Нынѣ рушить нашъ покой».

Народная пѣсня.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Екатерининскія войны съ Турціей имѣютъ и въ другихъ отношеніяхъ громадное для Россіи значеніе. Это было время громкой славы русскаго оружія, наполнившей и удивившей всю Европу,—время, когда

«Въ морѣ наши исполины
Дали вновь урокъ чалмѣ»,

когда «Нашъ Орелъ изринулъ пламя,
И поникло турковъ знамя»,—

Народная пѣсня.

когда покрыли себя неувядаемой славой Румянцевъ и Суворовъ—

«Сіи птенцы бранныхъ споровъ».

Бенедиктовъ.

«Онъ махнулъ—и наши рати,
Чудомъ Божьей благодати,
Сотню верстъ прошли за-разъ,
Въ бой вступили безъ привала;
Штыкъ впередъ,—врага не стало,
Сѣча длилась только часъ.
Вотъ каковъ нашъ былъ Суворовъ!»

Изъ солдатской пѣсни.

Екатерининскія войны воспитали и героя 12-го года—Кутузова Смоленскаго. Онѣ также утвердили преобладающее политическое вліяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ и предоставили ей право покровительствовать православнымъ христіанамъ Востока, подвластнаго Турціи.

Въ упоеніи славой побѣдъ, повергшихъ грозную Порту въ состояніе больного человѣка, Императрица Екатерина мечтала о совершенномъ изгнаніи турокъ изъ Европы и о возстановленіи греческой имперіи подъ скипетромъ в. кн. Константина Павловича. Но какъ въ правительственной дѣятельности не всѣ ея предначертанія могли быть осуществлены, такъ и этотъ «греческій проектъ» оказалось, по времени, невозможнымъ выполнить. Европа испугалась такого возвышенія Россіи: Англія и Пруссія приняли къ ней угрожающее положеніе, Польша держала себя враждебно, Швеція, пользуясь

затруднительнымъ положеніемъ Россіи, объявила ей войну. При такихъ обстоятельствахъ, несмотря на громкія побѣды Суворова, Екатеринѣ пришлось отказаться отъ греческаго проекта и удовольствоваться сравнительно скромными условіями ясскаго мира. Здѣсь, въ Екатерининскихъ войнахъ, какъ видимъ, лежитъ начало и того рокового «восточнаго вопроса», который и доселѣ тяготѣетъ надъ спокойствіемъ Европы. Политическая дѣятельность Екатерины отразилась, такимъ образомъ, на всей Европѣ и имѣетъ, слѣдовательно, значеніе міровое, обще-европейское.

Въ царствованіе Екатерины Великой Россія достигла политическаго роста и на окраинѣ западной, покончивъ здѣсь вѣковую борьбу съ Польшей.

Привислинскіе славяне, вслѣдствіе западнаго своего положенія, очень рано и въ сильной степени подверглись культурному вліянію римско-католическаго міра, почему въ національномъ и религіозномъ отношеніи и обособились очень рѣзко отъ своихъ восточныхъ братьевъ. И такъ какъ между территоріей польскихъ и русскихъ славянъ не было прочной естественной границы, то, при установившейся національно-религіозной розни, политическое столкновеніе и борьба между ними были неизбѣжны. Она и началась со времени Владиміра св. и затѣмъ непрерывно продолжалась вплоть до конца XVIII в. Вначалѣ борьба шла съ большимъ для Польши успѣхомъ: въ половинѣ XIV ст. она овладѣла кореннымъ русскимъ княжествомъ—Галиціей, а затѣмъ, объединившись съ Литвой (1386 г.), распространила свое владычество до береговъ Угры и Оки. Полонизируя отторгнутый отъ Россіи огромный западный край и утверждая въ немъ католичество, она преслѣдовала тѣ же политическіе и религіозные виды и на всю остальную Россію. И былъ моментъ,—это было въ смутную эпоху,—когда Москва находилась уже въ рукахъ поляковъ и когда на московскій престолъ избранъ былъ королевичъ Владиславъ. Но, благодаря сильному подъ-

ему народнаго духа, руководимаго такими величавыми патріотами, какъ патріархъ Гермогенъ, Мининъ и Пожарскій, Русская земля отстояла свою независимость.

Такимъ образомъ, борьба съ Польшей была для Россіи борьбой за историческое существованіе, за свободу политическую и религіозную. Исходомъ этой борьбы должно было быть рѣшеніе чрезвычайно важнаго вопроса о томъ, кто — Русь или Польша должна объединить восточную половину Европы подъ своею властью, а вмѣстѣ съ этимъ вопросъ и о господствѣ здѣсь культуры западно-римской или греко-восточной. Перевѣсъ остался на сторонѣ русскаго племени, занимавшаго центральное положеніе на восточной равнинѣ и болѣе крѣпкаго и способнаго къ исторической жизни цѣльностью и самобытностью своей народности. Поворотъ начался со времени Іоанна III, который во внѣшнихъ сношеніяхъ именовалъ уже себя «Государемъ всея Руси». Къ этому времени почти закончилось объединеніе вокругъ Москвы сѣв.-восточной Руси и началось собираніе Руси юго-западной. По Андрусовскому миру (1667 г.) отобраны были отъ Польши и возсоединены съ Россіей всѣ земли по лѣвую сторону Днѣпра съ важными городами Смоленскомъ и Кіевомъ. Послѣ этого вліяніе Россіи въ Польшѣ все болѣе и болѣе усиливалось; Польша стала обнаруживать признаки политическаго разложенія и неизбѣжнаго паденія, и Императрица Екатерина взяла ее, наконецъ, подъ свое покровительство, т. е. поставила ее въ непосредственную отъ себя зависимость. Но сосѣднія державы — Австрія и Пруссія, опасаясь возраставшаго могущества Россіи и пользуясь царившими въ Польшѣ безпорядками, вмѣшивались также въ ея дѣла въ разсчетѣ воспользоваться ея наслѣдствомъ. И если Екатерина имѣла въ виду отобраніе отъ Польши западно-русскихъ земель, т. е. своего собственнаго достоянія, Пруссія и Австрія видѣли для себя добычу въ самой Польшѣ. Во всякомъ слу-

чаѣ не Императрицѣ Екатеринѣ, а скорѣе Фридриху II принадлежитъ иниціатива раздѣловъ Польши.

Само собой—слабой, разлагавшейся Польшѣ не подъ силу было выдерживать давленіе трехъ сильныхъ державъ и въ результатѣ бѣли три раздѣла и окончательное паденіе Рѣчи Посполитой. Этотъ результатъ—неизбѣжное послѣдствіе хода историческихъ событій, который прекрасно понималъ еще Янъ Казиміръ, на сеймѣ 1661 г. предсказавшій раздѣлъ Польши между Москвой, Австріей и курфиршествомъ Бранденбургскимъ.

По тремъ раздѣламъ Россія пріобрѣла отъ Польши Бѣлоруссію, Литву и правобережную Украйну.

Итакъ, Императрица Екатерина, послѣ смутнаго періода временщиковъ, продолжила реформаторскую дѣятельность Петра Великаго и быстро двинула Россію по пути европейской цивилизаціи. Во внѣшнемъ отношеніи она почти довершила собираніе земли русской въ одно политическое цѣлое, закончивъ, такимъ образомъ, великое дѣло сформированія государства въ тѣхъ предѣлахъ, которые въ Европѣ указаны ему самой природой. Немногое только въ этомъ случаѣ она оставила своимъ преемникамъ. Мечта ея о завоеваніи Кавказа не осуществилась; но перенесеніемъ русской границы на Кубань, принятіемъ подъ свое покровительство Имеретіи и Грузіи и успѣшнымъ походомъ въ Персію (подъ начальствомъ В. Зубова) она подготовила это дѣло для послѣдующаго времени. Война со Швеціей облегчила присоединеніе къ Россіи въ недалекомъ будущемъ (1809 г.) и всей Финляндіи. Изъ коренныхъ же русскихъ земель не возсоединилась съ Россіей одна лишь Галиція, остающаяся и до сихъ поръ во владѣніяхъ Австріи.

Результатомъ же внутренняго и внѣшняго развитія было то, что Россія возвысилась на степень первенствующей державы и пріобрѣла руководящее значеніе въ политической

жизни Европы. Не даромъ время это въ отечественной исторіи и называется «вѣкомъ Екатерины».

Вотъ какое мѣсто въ исторіи развитія государственной жизни Россіи занимаетъ царствованіе Императрицы Екатерины Великой. Необычайно одаренная природой, она оказалась способною выполнить завѣщанную ей исторіей задачу. «Екатерина небезупречна во многихъ отношеніяхъ, говоритъ Щебальскій, но упрекамъ этимъ нельзя не противопоставить 34 года величія и благоденствія, которыми Россія при ней пользовалась». Она окружила Россію небывалой славой, а свое имя, подобно легендарной Семирамидѣ, такимъ блестящимъ ореоломъ, что отъ него вѣетъ чѣмъ-то чисто сказочнымъ, чисто фантастическимъ. Не чудную ли, въ самомъ дѣлѣ, фантазію, не дивную ли игру плодовитаго воображенія представляетъ хотя бы картина знаменитаго, надѣлавшаго столько шуму путешествія въ древнюю Тавриду,—когда, для довершенія внѣшняго блеска, Великую Императрицу, сопровождаемую сказочно-блестящей свитой и эскортомъ иностранныхъ пословъ, на пути ея шествія привѣтствовали и два вѣнценосца—цезарь римскій (Іосифъ II) и король польскій. Это—то путешествіе, которое дало обильный матеріалъ и для историка, и для поэта, и для церковнаго оратора. Было тогда «зрѣлище восхитительное, достойное Екатерины! Отъ самыхъ береговъ Невскихъ до волнъ Понта Эвксинскаго шествіе Великія казалось торжествомъ побѣдительницы міра. Не цѣпи невольниковъ гремѣли вокругъ торжественной колесницы, но радостныя восклицанія довольныхъ подданныхъ; милліоны упадали предъ Нею, какъ предъ Божествомъ благодѣтельнымъ. Такъ нѣкогда обожаемая Семирамида, въ сіяніи славы, шествовала по цвѣтущимъ областямъ ея, изумляя подданныхъ своимъ величіемъ и щедротами»,—говоритъ историкъ (Карамзинъ).

«Тотъ путь былъ—путь очарованья.
Съ Невы къ Днѣпру вдоль полотна
Дороги, полной ликованья,
Неслась державная жена—
Средь свѣжихъ рощъ благоуханныхъ
И жизнью вѣющихъ полей,
Въ собраньи принцевъ и князей,
И было—двѣ главы вѣнчанныхъ
Средь лицъ, сопутствовавшихъ ей,»—воспѣваетъ поэтъ (Бенедиктовъ).

Маститый же архіепископъ Бѣлорусскій (Георгій Конискій) такъ привѣтствовалъ (въ Мстиславлѣ) шествовавшую Семирамиду: «Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается: наше солнце вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ».

Выдающимися талантами, смѣлой административной и политической дѣятельностью Императрица Екатерина производила и въ Россіи и во всей Европѣ обаятельное впечатлѣніе. Самъ Великій Фридрихъ писалъ ей: «Ваше величество сказали—да будетъ миръ, и миръ совершился... Оружіе вашего величества ослабило оттоманское могущество; вашъ побѣдоносный флотъ распространилъ ужасъ отъ Пропонтиды до Дарданелъ; ваши законы становятся предметомъ изумленія и подражанія для самыхъ образованныхъ народовъ Европы, и къ довершенію вашей славы—одно ваше желаніе возстановляетъ миръ между несогласными народами... Всѣ угнетенные находятъ убѣжище въ могущественномъ покровительствѣ вашего величества». Знаменитый Вольтеръ въ восторженныхъ выраженіяхъ говорилъ всегда о способностяхъ Императрицы, въ которой видѣлъ представительницу идей просвѣщенія и прогресса, покровительницу наукъ и искусствъ.

«Вѣщай, премудрая Фелица:
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не ходитъ?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ твоего»!

Державинъ.

Возвеличивъ Россію, Екатерина въ то же время даровала ей достаточно силъ и средствъ и для дальнѣйшаго правильнаго развитія. «Намъ кажется, что священный духъ монархини, говоритъ Карамзинъ, въ образѣ генія-хранителя Россіи, и тамъ не перестаетъ заниматься нашимъ отечествомъ; намъ кажется, что мы внимаемъ небесному гласу Екатерины:»

«О Россіяне! вы, которые были столь любезны моему сердцу; которыхъ счастіе было моимъ счастіемъ; на которыхъ взирала Я съ радостію Матери, видящей благоденствіе дѣтей своихъ! Если Я обогатила Россію новыми предѣлами и народами, украсила чело ваше пальмою побѣды, гремѣла въ трехъ частяхъ міра и славилась вами; то слава Моя была мнѣ залогомъ вашей силы и безопасности; желая, чтобы міръ васъ страшился, Я хотѣла единственно того, чтобы вы не могли никого страшиться... Я просвѣщала васъ, Россіяне! слѣдственно не хотѣла угнетать человѣчество. И если Мое царствованіе не возвело еще Россію на высочайшую степень народнаго блаженства: то помните, что власть государя не есть всемогущество небесное...; помните, что имперіи цвѣтутъ вѣками... Но Я указала вамъ великую цѣль: теките къ ней осѣненные моими лаврами, путеводимые моими законами. И когда всѣ народы земли будутъ завидовать вашей долѣ, когда имя Россіянина будетъ именемъ счастливѣйшаго гражданина въ мірѣ: тогда исполнятся тайные обѣты Моего сердца; тогда вы узнаете, что я хотѣла, но чего не могла сдѣлать;

и признательность ваша почтитъ равно и дѣла Мои и Мою волю.....»

«И я клянусь именемъ вашимъ, о сограждане! такъ заключаетъ Карамзинъ свое похвальное слово Императрицѣ,— именемъ всего нашего потомства, что память Екатерины Великой будетъ во вѣки вѣковъ благословляема въ Россіи».

Да, окрыленная геніемъ мудрой Императрицы, Россія, слѣдуя по ея стопамъ, продолжала, и уже безъ перерыва, развивать дальше и дальше свои внутреннія и внѣшнія силы. Царствованіе сына ея (Павла Петровича) прославлено подвигомъ героя ея царствованія—Суворова. Внукъ ея, при восшествіи на престолъ, торжественно заявилъ, что будетъ царствовать «по законамъ и по сердцу августѣйшей бабки своей Екатерины Великой, да вознесетъ Россію на верхъ славы». Эту славу Россіи создалъ 12-й годъ, героемъ котораго былъ опять питомецъ (Кутузовъ) школы Екатерининской. Царствовавшій по сердцу бабки своей, императоръ Александръ Павловичъ и заслужилъ въ потомствѣ названіе «Благословеннаго». Величественъ былъ также и другой внукъ Екатерины Николай Павловичъ. Царствованіе его премника Александра II, получившаго названіе «Освободителя народовъ», составляетъ цѣлую эпоху въ исторіи культурнаго развитія Россіи. Своими гуманными реформами онъ осуществилъ именно идеи Екатерины Великой. Могучій затѣмъ императоръ Александръ III, не обнажавшій меча и тѣмъ не менѣе хранившій въ своихъ рукахъ миръ Европы, отъ всѣхъ народовъ получилъ названіе «Миротворца».

На нашихъ глазахъ совершились два великія событія— одно скорбное, другое радостное, но оба они одинаково представляютъ торжественнѣйшіе моменты величія и славы Россіи: это—смерть могучаго колосса Александра III и священное коронованіе нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая II. Живо чувствуется и теперь то затаенное тревожное состояніе всей Европы, то напряженное вниманіе,

съ которымъ весь міръ болѣзненно слѣдилъ за событіями на южномъ берегу Крыма, тотъ, наконецъ, всеобщій взрывъ искренняго соболѣзнованія по случаю роковаго исхода болѣзни нашего Императора! Тревожная Европа чувствовала и понимала, кого и чего она лишалась въ лицѣ Императора Александра III. Кто пережилъ тѣ часы, тотъ не забудетъ ихъ никогда.

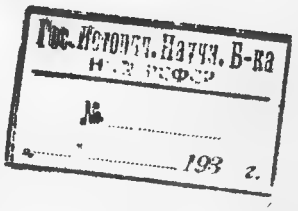
Но—слава и благоденствіе Россіи! Его сынъ, нынѣ благополучно царствующій Императоръ Николай II, идетъ твердо по стопамъ Своего Великаго Родителя, и будущее величіе Россіи озаряется лучезарнымъ свѣтомъ. Предъ нами величественная, небывалая досель картина торжественнаго вѣнчанія на царство (14 мая 1896 г.)! Не только всѣ представители необъятной и многомилліонной Россіи, вся Европа, представители Стараго и Новаго Свѣта собрались подъ сѣнью Кремля для привѣтствія Царственной Четы. Коронаціонное торжество обнаружило въ полномъ блескѣ величіе, обширность и разнообразную мощь державы, корону которой возложилъ на Себя Императоръ Николай II.

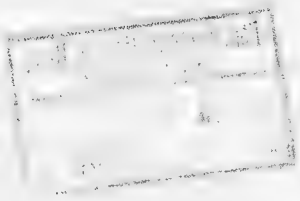
Теки же, дорогая Россія, управляемая мощной рукой своего Вѣнценосца, теки къ той «великой цѣли», которую «указала» мудрая Екатерина, теки къ тому завѣтному величію, «когда всѣ народы земли будутъ завидовать твоей долѣ и когда имя Россіянина будетъ именемъ счастливѣйшаго гражданина въ мірѣ».

Императрица Екатерина Великая, по пути въ Крымъ, посѣтила Кіевъ въ 1787 г. и прожила въ немъ почти три мѣсяца. Своими распоряженіями о назначеніи его губернскимъ и вмѣстѣ намѣстническимъ городомъ, о разрѣшеніи селиться въ немъ выходцамъ изъ Великой и Малой Россіи, объ утвержденіи перваго правильнаго плана города,—Екатерина много содѣйствовала поднятію его благосостоянія. Въ

Кіевѣ Екатерина жила въ построенномъ для ея пріѣзда дворцѣ. Въ честь ея было устроено здѣсь нѣсколько блестящихъ празднествъ; сюда собраны были также представители разныхъ народовъ Россіи, между которыми были татары, грузины, калмыки и друг. Своимъ мѣстоположеніемъ Кіевъ весьма понравился Екатеринѣ.

Преподаватель исторіи И. Матченко.





359
145
4